

О. В. Красовская

Луганск, Луганская Народная Республика

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена коммуникативно-прагматическому осмыслению феномена информационной войны на материале разнообразных текстов, составляющих дискурс геополитического информационного противостояния между Россией и Украиной. Описывается коммуникативная структура информационной войны: ее участники (ведущие политические деятели, средства массовой информации, по-разному освещающие происходящие события в связи с необходимостью ориентироваться на ожидания аудитории, общественные деятели — представители какой-либо неполитической сферы, обладающие узнаваемостью и авторитетом, рядовые граждане, чья политическая активность принимает несколько форм: политические заявления, распространяемые на видеороликах, выступления на митингах), пространство, специфика речевого взаимодействия между оппонентами и невербальный компонент (так, украинские политики большое значение уделяют рукопожатию с оппонентом, обнаруживают нежелание стоять рядом с оппонентом во время протокольной фотосессии, прибегают к демонстративному выходу из зала во время выступления оппонента на международном форуме). Делается вывод, что речевое взаимодействие в рамках геополитического информационного противостояния, которое во многом является дискурсом конструирования идентичности, представляет собой высокоинтенсивную коммуникацию, к участию в которой приобщаются самые разные слои населения, которая стремится к расширению своего пространства, преодолению монологизма, использованию невербального компонента для усиления вербального.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная война; коммуникативная структура; «иллокутивное вынуждение»; дискурс идентичности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Красовская Оксана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций, Луганский государственный университет им. Т. Шевченко; 91000, ЛНР, г. Луганск, ул. Оборонная, 2, 1-й корп., ауд. 1-317; e-mail: rusistika@rambler.ru.

Информационная война (ИВ) — это междисциплинарный объект (см., например, небольшой библиографический обзор в работе: [Сковородников, Копнина 2016: 42]), который не может не вызывать интереса у лингвистов.

Дискурс ИВ диалогичен в своей основе, продуцируемые в его рамках речи «иллокутивно вынуждаются» [Баранов, Крейдлин 1992] речами оппонентов.

Признавая важность и продуктивность изучения ИВ как речевой технологии [Вирен 2016; Сковородников, Королькова 2015; Сковородников, Копнина 2016; Тагильцев 2014], мы посвящаем свою работу коммуникативно-прагматическому осмыслению феномена ИВ.

Исследование основано на материале текстов, составляющих дискурс геополитического информационного противостояния между Россией (и солидаризирующимися с ней ДНР и ЛНР) и Украиной, которое длится примерно с ноября 2013 г. — начала Евромайдана в Киеве — по настоящее время.

Как известно, российско-украинские отношения с момента распада СССР характеризуются постоянной конфликтностью. В их истории наблюдались газовые войны, «сырно-мясное» и «конфетное» противостояние. Но ни один из этих конфликтов не отличался такой остротой, которую мы наблюдаем после смены власти на Украине, начала боевых действий в Донбассе и вхождения Крыма в состав России.

Определения ИВ. Существуют разные трактовки ИВ. Выделим из них те, которые актуальны для целей нашего исследования.

В классическом, инвариантном определении ИВ акцент делается на информацион-

ном воздействии на массовое сознание для изменения поведения людей. Под информационным воздействием («информационным вторжением» у Г. Г. Почепцова, «информационной агрессией» у С. П. Расторгуева) понимается производство и распространение по самым разным каналам разрушительной (компрометирующей, дестабилизирующей) для противника информации.

Образная формулировка цели ИВ — «война за головы», т. е. контроль над сознанием людей, «промывка мозгов», т. е. изменение восприятия людьми окружающего мира.

Некоторыми исследователями ИВ рассматривается прежде всего как «манипуляция информацией» [Данилова 2012: 230], «максимальное выражение медиаманипулирования» [Соловей <http>]. Видя в ней в первую очередь «лжеинформирование» [Данилова 2012: 230], ученые подчеркивают, что это не просто «искажение информации и представление реальных фактов в искаженном виде», а «производство „альтернативной реальности“» [Илларионов <http>], «„трансформационный перевод“ одной картины мира в другую» [Почепцов 2001: 25—26].

Антагонизм (в других терминах: конфронтативная агональность [Шейгал 2009: 147]) «военно-информационного» дискурса проявляется в демонизации оппонента: «...в современном мире создается впечатление, что война способна быть популярной лишь в том случае, если враг есть *воплощение зла* (выделено мною. — О. К.), а союзники — почти что совершенство» [Данилова 2012: 231].

Приведенные здесь и многие другие кон-

фиксируют не ее глобальную цель, а тактические задачи и инструменты осуществления, которые неизбежно наблюдаются в информационно-геополитическом противоборстве.

Рассмотрим его коммуникативную структуру (описание ее отдельных компонентов — из-за ограниченного объема статьи — осуществляется неравномерно).

Участники геополитической ИВ.

1. Ее главными участниками являются политики, прежде всего ведущие лица политического процесса, которые констатируют и квалифицируют возникшие противоречия между государствами, а также разъясняют занимаемые в конфликте позиции.

Так, в выступлениях В. Путина наблюдается стремление к обстоятельному анализу украинского кризиса, готовность «фактически в ежедневном режиме разъяснять позицию России» (пресс-секретарь В. Путина Д. Песков в передаче «Воскресный вечер» В. Соловьева, 07.03.2014). Такое стремление специалисты объясняют необходимостью «создать целостную картину мира, где станут оправданными многие действия и поступки, которые никогда бы не были понятны и оправданы вне этой картины» [Соловей <http://>].

Именно в рамках институционального политического дискурса каждая из противоборствующих сторон формирует свой собственный политический код (о «политической диглоссии» современных ИВ см. более подробно в нашей работе: [Красовская 2015]), который задает и поддерживает отстаиваемую в конфликте позицию:

— (из ответов В. Путина на пресс-конференции в рамках Петербургского международного экономического форума 23.05.2014; в соответствии с методикой, используемой представителями Московской школы функциональной социолингвистики (работы Е. А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой), в письменной передаче устной речи знак / используется для обозначения интонационной незавершенности высказывания, знак // является сигналом завершения высказывания, произнесенного с утвердительной интонацией) *Что последовало за этим [решением В. Януковича подписать договор об ассоциации с Евросоюзом]? Государственный переворот // Ну как бы там ни называть / революция не революция / это госпереворот с использованием силы / боевиков //* (из выступления В. Путина на медиафоруме в Петербурге 24.04.2014) *Если / сегодняшние власти в Киеве это [применили армию против собственного народа] сделали / то это конечно хунта уже / клика какая-то просто //*

— (из выступления П. Порошенко на общих дебатах заседания Генассамблеи ООН 29.09.2015) *В феврале 2014 года / Россия провела / открытую и ничем не спровоцированную агрессию против моей страны / оккупировала Крым / глубоко / грубо и жестоко / поправ / международное право и / шокировала все международное сообщество // Я глубоко признателен / делегациям большинства / государств-членов нашей организации / которые в прошлом году поддержали резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН озаглавленную / „Территориальная целостность Украины“ / в которой / была осуждена / незаконная аннексия / Россией Крыма //*

Значимым факт ввода в политический оборот какого-либо термина или ярлыка делают средства массовой информации: *Порошенко сравнил аншлюс Австрии нацистами и аннексию Крыма* (podrobnosti.ua, 10.04.2015); *К атаке на блок-посты Славянска киевскую хунту (этот термин вчера ввел в официальный оборот Владимир Путин)* подтолкнул вице-президент США Джон Байден (novorossia.su, 27.04.2014).

2. Информационные войны немислимы без СМИ: занимаясь информационным сопровождением политических конфликтов, медиа превращаются в «спецназ информационных войск» (А. Илларионов).

Популярные сегодня рассуждения об особой миссии медийного текста, направленной на формирование «научно-объективной картины мира с помощью конкретной злободневной информации» [Хорольский 2013: 83], как правило, игнорируются в современной журналистской практике. В дискурсе информационных войн СМИ заметно обнаруживают свои интерпретационные свойства как канал, который построен «на идеологических, эмоциональных и даже подсознательных ожиданиях аудитории (выделено мною. — О. К.)», «не просто средство для передачи информации», а «целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды» [Кириллова 2006: 22] (цит. по: [Шаронов 2008: 235]). Ср. также рассуждения Т. Г. Добросклонской: «Журналист, являясь продуктом своей культурно-идеологической среды, неизбежно освещает события сквозь информационные фильтры, свойственные данной среде и во многом обусловленные существующими стереотипами в отношении представителей других стран, культур и прочих лингвокультурных и политических сообществ... Таким образом, выбор событий и их последующая интерпретация тесно связаны с информационными предпочтениями и интересами це-

левой аудитории...» [Добросклонская 2015: 21—22].

Эта особенность создает в журналистском дискурсе так называемый «диапазон интерпретаций», т. е. «весь спектр различий», которые имеют место при освещении одного и того же события [Там же: 19—20].

Ср., например, какие акценты были представлены в заголовках разных интернет-изданий к материалу о конфликте поэта И. Резника и певицы Лолиты в связи с его обвинением российских артистов, приехавших на юрмальский фестиваль к Лайме Вайкуле в июле 2016 г.: 1) информационный портал «Алтайпост» выделяет из письма поэта эмоциональную аполитичную — во всяком случае, вне контекста — фразу: *Резник ответил Лолите: „Прекратите истерить!“* (altaypost.ru, 07.07.2016); 2) сайт «Политикус» привлекла внимание фраза, содержащая политическую оценку современной Латвии: *Резник ответил Лолите: „Хорошего вам праздника в стране, где идут марши нацистов“* (politikus.su, 07.07.2016); 3) для информационного ресурса «Русская весна», который позиционирует себя как «орудие правды» в информационной борьбе Украины и ее сторонников против России, Донецкой и Луганской народных республик, привлекательной стала метафорическая фраза, содержащая имплицитную оценку украинского государства: *„Украина для меня умерла“, — Резник ответил Лолите* (rusvesna.su, 07.07.2016).

В дискурсе ИВ «диапазон интерпретационных колебаний» при превращении «жизненного» события в «медийное» составляют полярные оценки актуальных фактов, их участников и т. д. Ср. следующий заголовок: *Украинская летчица Надежда Савченко: героиня или преступница?* (dw.de, 23.10.2014).

3. Участниками ИВ «по собственному призыванию» становятся общественные деятели — представители какой-либо неполитической сферы, обладающие узнаваемостью и авторитетом.

В феврале 2014 г. украинский телеканал «1+1» инициировал проект «Україна єдина. Страна одна» (рус. «Украина единая. Страна одна»), в рамках которого известные люди Украины, певцы и актеры, телеведущие и спортсмены, записывали обращения, призывавшие к единству Украины и миру (04.03.2014 г. начал свою работу сайт <http://ukraine.1plus1.ua/>, где собирались все ролики акции «Единая Украина»). Это были обращения к дончанам, крымчанам, россиянам, В. Путину.

4. Политическая нестабильность, констатируют политологи, повышает политическую активность населения. Поэтому в информа-

ционно-политическое противостояние активно включаются рядовые граждане.

Отметим некоторые жанровые формы их непосредственного участия в информационном противостоянии:

а) политические заявления. В частности, инициативу украинского телеканала «1+1» записывать обращения с призывами к единству Украины и миру активно подхватили обычные люди. Некоторая часть таких роликов размещена на уже упоминавшемся выше сайте. Среди них — обращения *«Молодежь Днепропетровска за мир и единство Украины»*, *«Украина єдина! Запорожье»*, *«Правда о Львове от студентов ЛНУ»*, *«Крым против войны»*, индивидуальные обращения.

Следует сказать, что такие обращения с призывом прекратить войну записываются и выкладываются в социальных сетях и в настоящее время. Это, как правило, подготовленные тексты, часть из которых имеет разных авторов и ораторов;

б) выступления на «народных», протестных митингах. Здесь мы обнаруживаем спонтанные речи людей, не имеющих навыков публичного говорения и преодолевающих через такие речи отчуждение от политики. Так, например, во время «бессрочного» митинга в Луганске (апрель — май 2014 г.) у здания СБУ, с которого началась история Луганской Народной Республики, у «микрофона для народа» его представители:

— анализировали политическую ситуацию на Украине: / *Ребята / вы / послушайте / послушайте меня внимательно // Када / пришли / к власти / нелегальные э-э... власть эта / как говорится / нацисты э-э... экстремисты / они* (выкрики из толпы: «Фашисты!») / *да / да / к тому / же самому они фашисты // Они пришли к этой власти нелегально // <...> Но смотрите / к чему привело это // Это привело к эскалации конфликта //*;

— опровергали информацию, распространяемую в украинских СМИ: *Мы не сепаратисты / а знаете кто сепаратисты? Сепаратисты это Кравчук / Шухевич и Ельцин которые развалили Советский Союз и разделили братские народы / а мы идем назад // Мы соединяемся а не разъединяемся / это не сепаратизм //*;

— напоминали мотивы участия в митинге: *Мы / не боимся никого // Мы / мирные люди // Но у нас (повышая голос) есть свои требования / и* (переходя на крик) *требование это одно / ре-фе-рен-дум //* (скандирование: «Ре-фе-рен-дум!») *Если / эти паны / и дальше нас будут не слушать / мы оставляем за собой конституционное право /*

обратиться / за помощью в братский народ / в Россию // (возгласы одобрения) *Рос-си-я!*;

– заявляли о своей идентичности: *И не забываем мы с вами / мы русские / и наша братская страна / это Рос-си-я* // (толпа скандирует: «Рос-си-я!»);

– мобилизовывали своих земляков: *Люди / вставайте! Луганск / вставай! <...> Это наше общее дело* //;

– высказывали солидарность с происходящим: *Мы шахтеры города Артемовска* (крики из толпы «Ура!» и аплодисменты) *Луганской области* (крик из толпы: «Шахтерам слава!») / *приехали поддержать так же само как и все / как Донецк и Харьков / а особенно Луганск* // (крик из толпы: «Молодцы!»).

Все выступления складывались в унисонный полилог «своих».

Коммуникативное пространство геополитической ИВ. Геополитическое информационное противостояние воплощается не только в текстах, имеющих традиционную среду бытования: печатные и интернет-издания, плакаты, митинги. Коммуникативное пространство ИВ также составляют:

1) стелы при въезде в населенные пункты и транспортные остановки:

– так, в начале протестного движения на Луганщине в 2014 г. можно было наблюдать многократное перекрашивание названий населенных пунктов в цвета государственных флагов стран-оппонентов (ср.: *...стелу покрасили в цвета российского флага. Заметив это, равнодушные жители города решили исправить ситуацию и преобразить надпись в голубой и желтый цвета* [gazetavv.com, 05.06.2014]);

– после возвращения ЛНР к мирной жизни многие остановки здесь расписали уже в цвета флагов ЛНР или Новороссии, в качестве подложки для топонимов во многих случаях также используется георгиевская лента;

– кроме того, в одном из районов ЛНР на остановках запечатлены города-герои, проявившие мужество в Великой Отечественной войне, память о которой в молодых республиках активно используется как ресурс конструирования идентичности ее жителей;

2) названия городских объектов и городские вывески в целом:

– ср., например, переименование находящегося в центре Луганска кинотеатра с «*Украины*» на «*Русь*»; использование советизмов: название сети открытых после войны супермаркетов «*Универсам*»; комиссионный магазин «*СССР*»; закусочная «*Пельмени СССР*» (вывеска, кроме названия, включает в себя деформированный советский лозунг: *Пельмени всех стран, объединяйтесь!*);

– использование при оформлении городских вывесок цветов флага ЛНР, которые могут сочетаться как с «идеологическим» (*Полиция, Ленинский городской суд*), так и «неидеологическим» лексическим материалом (*Аптека, магазин продуктов «МАГ», супермаркет бытовой техники «Стройцентр», Алчевский городской рынок*);

3) наименования товаров: выражающее отношение ЛНР к американскому президенту название туалетной бумаги «*Барак Обама*» (была в продаже в сети супермаркетов «Народный» в 2015 г.); являющееся репликой в дискуссии о судьбе Новороссии название хлеба «*Новоросский*» (появился в продаже в ЛНР в июле 2016 г.); ср. также показательный заголовок: *Была „Московская“ — стала „Бандеровская“: на Украине декоммунизировали колбасу* (rusvesna.su, 07.07.2016);

4) настенные надписи — провокативные по своей стратегии политические граффити, которые маркируют принадлежность территории той или иной идеологии (*Луганск — это Россия; Донецк — украинский город*), позволяя наблюдать следующие примеры столкновения идеологических интересов луганчан:

– нанесение на уже выполненное изображение текста, вступающего в оппозитивные отношения с изобразительным компонентом — например, надпись на украинском флаге: *Украины нет* — или текст на пунктирно закрашенном украинском флаге: *Нет бандерам*;

– нанесение на вербальный текст идеологического противника оппозитивных изображения и/или текста — например, флагов России и Новороссии и надписей *Идем домой и Наш дом Россия* (приводится с сохранением оригинальной пунктуации) на лозунги об украинском единстве.

Форма «военно-информационной» коммуникации. Тексты, которыми обмениваются ее участники, удовлетворяя «дефицит интерпретаций происходящих ситуаций», порождают резонансную коммуникацию [Почепцов 2001: 130]. В нашем материале «резонанс в аудитории» [Там же: 122] представлен симметричными ответами одной стороны на заявления другой. Так, например, за заявлением и. о. президента Украины А. Турчинова о начале «широкомасштабной антитеррористической операции с привлечением Вооруженных сил Украины» (yablor.ru, 13.04.2014) последовало заявление российского МИД, осуждающее «преступный приказ Турчинова использовать армию для подавления протестов» (archive. mid.ru, 13.04.2014).

Примеры неинституционального обмена мнениями в нашем материале: ***Крымские студенты ответили на обращение украинских студентов — о референдуме, Май-***

дане, гражданской войне... [Крымские студенты ответили украинцам 2015]; **Украинцы записали ответ на песню Стаса Пьехи о российских гумконвоях** [Licemer 2015].

ИВ, таким образом, протекает в форме опосредованного диалога, в котором реактивные реплики являются отсроченными. (Это не значит, что коммуникация между участниками информационно-политического конфликта не может протекать как непосредственное речевое взаимодействие — например, коммуникация во время парламентских заседаний или дебатов в Совете Безопасности ООН. Однако в первом случае выступление оппозиционных депутатов подавляется спикером и/или коллегами, во втором — не предполагает активной мены коммуникативных ролей.) Ср.: ...Климкин вступил в негласную перепалку с Лавровым из-за „оголтелой украинской диаспоры“. Приведем полемичные реплики из дипломатического дискурса. Фрагмент выступления С. Лаврова: *Нас удивило полное отсутствие какого-либо прагматизма в тех импульсивных действиях, которые предыдущее правительство предпринимало, абсолютно взяв курс на слепое следование требованиям оголтелых представителей украинской диаспоры в Канаде и просто игнорируя свои национальные интересы* [Шарий 2016в]. Реакция министра иностранных дел Украины П. Климкина: *Благодарю каждого представителя „оголтелой украинской диаспоры“ (это настоящий комплимент С. Лаврова) в Канаде и всем мире! Наше единство работает!* [Шарий 2016а].

Самые распространенные виды ответных речевых реакций в нашем материале:

1) опровержение, которое нередко включает в себя «метаязыковую полемику» — ср., например, показательные заголовки к соответствующим статьям-реакциям на политический код идеологических противников: **Небольшая демифологизация, или Почему в Украине нет хунты** (glavnoe.ua, 25.05.2014); **Who is хунта? Кто нынче правит Украиной** (obozrevatel.com, 29.04.2014). (Наиболее резонансные выступления оппонентов опровергаются многократно. Ср. реакции донецких и луганских политиков и журналистов на высказывание П. Порошенко о том, что дети Донбасса, в отличие от детей Украины, будут сидеть в подвалах: *Дети Новороссии не сидят в подвалах!* (analitik24.ru, 03.12.2014); *ДНР. Дети Донецка не будут сидеть в подвалах и встретят Новый год счастливо* (news-front.info, 29.12.2014); *Наши дети ездят на отдых в РФ и получают российские дипломы, а не сидят в подвалах — Плотницкий* (dnr-news.com, 22.07.2015) и мн. др.);

2) отрицание — ср., например, нанесенную на слово *до свидания* антонимичную лексему *привет* в следующем тексте луганского граффити, напоминающего о бушевавших здесь идеологических страстях (сейчас в городе такого конфликтного материала, в котором бы через одно изображение просвечивало другое или на слово сверху была бы нанесена антонимичная лексема, почти нет. Это, как правило, выцветшие от времени реликты — памятники исторического для Луганска момента): *Россия, давай! До свидания!*;

3) оценка: *В МИД РФ назвали „верхом цинизма“ заявления Турчинова о гумконвоях* (заголовок; Liuza27 2014).

Эти и некоторые другие иллюкативные цели могут реализовываться в одном обстоятельном ответном тексте.

Невербальный компонент «военно-информационной» коммуникации. Несмотря на утверждения лингвистов о том, что публичная коммуникация имеет меньше возможностей для использования в ней жестовых и мимических средств [Земская 2004: 262], изучаемый нами дискурс позволяет наблюдать стремление выразить конфликтные отношения и в неязыковой системе.

Так, украинские политики большое значение уделяют рукопожатию с оппонентом: *Гриценко посоветовал Порошенко не подавать руки Путину: „И еще один важный совет — не надо в этот раз президенту Порошенко пожимать руку Путину. Путин — агрессор. Путин — враг. По его приказу убивают наших людей“* (zn.ua, 15.10.2014). П. Порошенко не последовал совету украинского политика, однако выразил свое отношение к российскому президенту с помощью мимики: *Порошенко подал руку Путину, однако заметно изменился в лице; До этого глава украинского государства улыбался как Кэтрин Эштон, так и другим присутствующим на церемонии, но при повороте к Путину с лица Порошенко улыбка резко исчезла* (ura-inform.com, 26.08.2014).

Также резонансным стал факт нежелания украинского министра стать во время протокольной фотосъемки рядом с российским коллегой в Париже. Обе стороны конфликта используют демонстративный выход из зала во время выступления оппонента на международных форумах.

Выводы. Речевое взаимодействие в рамках геополитического информационного противостояния, которое во многом является дискурсом конструирования идентичности, представляет собой высокоинтенсивную коммуникацию, к участию в которой привлекаются самые разные слои населения, которая стремится к расширению своего про-

странства, преодолению монологизма, использованию невербального компонента для усиления вербального.

Перечисленные особенности «военно-информационной» коммуникации оказывают значительное влияние на функционирование языка при порождении актуальных для нее текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2.
2. Вирен Г. Современные медиа: приемы информационных войн. — М., 2016.
3. Данилова М. И. Информационная война как реальность // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3.
4. Добросклонская Т. Г. Прикладные аспекты медиалингвистических исследований // Медиалингвистика / под ред. Л. Р. Дускаевой ; отв. ред. Н. С. Цветова. — СПб., 2015. Вып. 4 : Профессиональная и речевая коммуникация в массмедиа.
5. Земская Е. А. Разновидности городской устной речи и задачи их изучения // Е. А. Земская. Язык как деятельность: морфема. Слово. Речь. — М., 2004.
6. Илларионов А. Вызовы информационной войны для свободного общества и возможная контрстратегия : выступление на XIX Форуме Открытого общества Эстонии (Таллинн, 18 сентября, 2014 г.). URL: <http://red-pterо.livejournal.com/1672224.html>.
7. Красовская О. В. О «политической диглоссии» современных информационных войн // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015) / гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2015.
8. Крымские студенты ответили украинцам. 2015. 6 фев. URL: <http://www.politonline.ru/media/22880347.html>.
9. Почепцов Г. Г. Информационные войны. — М., 2001.

O. V. Krasovskaya

Luhansk, Luhansk People's Republic

INFORMATION WARFARE AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON

ABSTRACT. The article is devoted to the communicative-pragmatic study of the phenomenon of information warfare on the basis of different texts that constitute the discourse of geo-political information warfare between Russian and Ukraine. The communicative structure of information warfare is described: its participants (political leaders, mass media that show the events from different angles to meet the expectations of the audience, political activists – representatives of non-political sphere who are famous and popular, ordinary people, whose political activity has several manifestations: political appeals in videos, speeches in political gatherings, etc.), space, the specificity of verbal cooperation between the opponents and non-verbal component (for example, the Ukrainian politicians pay much attention to shaking hands with the opponent, they do not want to stand next to their political opponents in photo session, during the international forum they may leave the room when their opponent is speaking). The conclusion is that verbal cooperation in the frameworks of geo-political information warfare, which is to a great extent a discursive construction of identity, is an intensive communication, which involves representatives of different social layers and aims at widening its sphere, overcoming monologues and the use of the non-verbal component to reinforce the verbal one.

KEYWORDS: information warfare; communicative structure; "illocutionary forcing"; discourse of identity.

ABOUT THE AUTHOR: Krasovskaya Oksana Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Social Communication Department, Luhansk Taras Shevchenko State University, Luhansk, Luhansk People's Republic.

REFERENCES

1. Baranov A. N., Kreydlin G. E. Illokutivnoe vyzhuzhdenie v strukture dialoga // Voprosy yazykoznaviya. 1992. № 2.
2. Viren G. Sovremennyye media: priemy informatsionnykh voyn. — M., 2016.
3. Danilova M. I. Informatsionnaya voyna kak real'nost' // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2012. № 3.
4. Dobrosklonskaya T. G. Prikladnye aspekty medialingvisticheskikh issledovaniy // Medialingvistika / pod red. L. R. Duskaevoy ; otv. red. N. S. Tsvetova. — SPb., 2015. Vyp. 4 : Professional'naya i rechevaya kommunikatsiya v massmedia.

10. Расторгуев С. П. Основы информационной безопасности. — М., 2007.
11. Сковородников А. Н., Копнина А. Г. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55).
12. Сковородников А. Н., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53).
13. Соловей В. Как ведутся и на чем строятся информационные войны, о методах манипулирования. URL: http://ig.io.ua/s948471/kak_vedutsya_i_na_chem_stroyatsya_informatsionny_e_voyny_o_metodah_mediamanipulirovaniya.
14. Тагильцева Ю. Р. «Хто не скаже, той москаль»: информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48).
15. Хорольский В. В. Медийность в текстах СМИ и понятие медийного модуля // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2013. № 4.
16. Шарий А. Климкин поблагодарил «оголтелую украинскую диаспору» // Анатолий Шарий: медиаэксперт. 2016а. 26 янв. URL: <http://sharij.net/44557>.
17. Шарий А. Климкин не захотел фотографироваться рядом с Лавровым // Анатолий Шарий: медиаэксперт. 2016б. 4 марта. URL: <http://sharij.net/47984>.
18. Шарий А. Лавров назвал «оголтелыми» представителей украинской диаспоры в Канаде // Анатолий Шарий: медиаэксперт. 2016в. 26 янв. URL: <http://sharij.net/44553>.
19. Шаронов Д. И. О коммуникативном смысле медиатизации // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2008. № 2.
20. Шейгал Е. И. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34.
21. Lisemer. Украинцы записали ответ на Песню Стаса Пьехи о российских гумконвоях // Newzz.in.ua: актуальные новости из сети. 2015. 31 дек. URL: <http://newzz.in.ua/ob/1148921-630-ukraincy-zapisali-otvet-na-pesnyu-stasa-pehi-o-rossiyskih-gumkonvoyah.html>.
22. Liuza27. В МИД РФ назвали «верхом цинизма» заявления Турчино о гумпоции РФ. 2014. 19 авг. URL: <http://kak2z.ru/index.php?topic=120479.0>.

8. Krymskie studenty otvetili ukrainsam. 2015. 6 fevr. URL: <http://www.politonline.ru/media/22880347.html>.
9. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. — M., 2001.
10. Rastorguev S. P. Osnovy informatsionnoy bezopasnosti. — M., 2007.
11. Skovorodnikov A. N., Kopnina A. G. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55).
12. Skovorodnikov A. N., Korol'kova E. A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53).
13. Solovey V. Kak vedutsya i na chem stroyatsya informatsionny voyny, o metodakh manipulirovaniya. URL: http://ig.io.ua/s948471/kak_vedutsya_i_na_chem_stroyatsya_informatsionnye_voyny_o_metodakh_mediamanipulirovaniya.
14. Tagil'tseva Yu. R. «Khto ne skache, toy moskal'»: informatsionnaya agressiya kak komponent informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48).
15. Khorol'skiy V. V. Mediynost' v tekstakh SMI i ponyatie mediynogo modulya // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 10, Zhurnalistika. 2013. № 4.
16. Shariy A. Klimkin poblagodaryl «ogolteluyu ukrainskuyu diasporu» // Anatoliy Shariy: mediaekspert. 2016a. 26 yanv. URL: <http://sharij.net/44557>.
17. Shariy A. Klimkin ne zakhotel fotografirovat'sya ryadom s Lavrovym // Anatoliy Shariy: mediaekspert. 2016b. 4 marta. URL: <http://sharij.net/47984>.
18. Shariy A. Lavrov nazval «ogoltelymi» predstaviteley ukrainskoy diaspory v Kanade // Anatoliy Shariy: mediaekspert. 2016v. 26 yanv. URL: <http://sharij.net/44553>.
19. Sharonov D. I. O kommunikativnom smysle mediatizatsii // Vestn. VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. 2008. № 2.
20. Sheygal E. I. Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2009. № 34.
21. Licemer. Ukrainsy zapisali otvet na Pesnyu Stasa P'ekhi o rossiyskikh gumkonvoyakh // Newzz.in.ua: aktual'nye novosti iz seti. 2015. 31 dek. URL: <http://newzz.in.ua/ob/1148921630-ukraincy-zapisali-otvet-na-pesnyu-stasa-pehi-o-rossiyskih-gumkonvoyah.html>.
22. Liuza27. V MID RF nazvali «verkhom tsinizma» zayavleniya Turchino o gumposhchi RF. 2014. 19 avg. URL: <http://kak2z.ru/index.php?topic=120479.0>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.